

АЛИНА АРКАДИ

ПРИНЦИП
ИСКЛЮЧЕНИЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А82

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Pixel-Shot, MARIA GUZNOVA, Militarist, Mega Pixel,
Konmac / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Аркади, Алина.

А82 Принцип Исключения / Алина Аркади. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206947-5

Он давно определил свой путь, храня верность человеку, которому многим обязан. Но девочка Тася, ворвавшаяся в его привычный мир, заставляет задуматься о чем-то большем.

Она сохранила для себя его образ, сделав мечтой и смыслом жизни. Нежная и хрупкая, но воспитанная жестким Парето, она способна на многое ради дорогих людей.

Два человека встретятся в городе, искалечившем жизни многих, для того чтобы обрести друг друга.

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-206947-5

© Алина Аркади, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Мася

— **М**ам, ну договорились же уже, — скулю, поглядывая на отца и желая доказать, что готова к самостоятельной жизни вне дома без постоянного присмотра. — У тебя еще Аня есть и Костик, за которыми необходимо наблюдать.

У моего любимого брата какая-то фантастическая способность вляпываться в приключения.

— Лен, правда, решили же.

Точка. После слов отца мама замолкает и согласно кивает, позволяя мне удалиться в свою комнату и закончить собирать вещи, которые с трудом уместятся в два огромных чемодана. Сейчас март, но погода в России изменчива и порой непредсказуема, поэтому сначала укладываю теплые, а затем заполняю оставшееся пространство летними.

Легкий мандраж не покидает меня на протяжении нескольких дней, сразу после беседы с папой и согласия отправить меня из страны. Странное и пока необъяснимое чувство, что я возвращаюсь домой, хотя мой дом вот уже пятнадцать лет

за границей. Но это не мешает надеяться, что все сложится, как я задумала. Точнее, осуществить мою мечту помог папа, который привел маме с десятков аргументов и уговорил согласиться на предложение, которое мне поступило. Месяц она сопротивлялась, отказываясь слушать нас обоих, но он сделал невозможное, поэтому завтра в десять утра мой самолет взлетит в небо.

— Это Вике передашь. — Мама вручает мне небольшую синюю коробочку, на которой красуется серебристый бант.

— Что это?

— Это наши женские секреты, — подмигивает и дает понять, что детали мне знать не положено, а предмет предназначен лишь для Виктории. — Тась, почему нельзя работать здесь?

— Ты знаешь почему. Потому что все смотрят на меня с жалостью и сочувствием, не переставая напоминать, как неудачно сложилась моя судьба. А меня тошнит от их сожалений, понимаешь, тошнит. Я больше года провела у психолога, собрала себя заново и заставила встать на коньки. Но не для профессионального спорта, а просто чтобы почувствовать себя живой. Все, о чем я мечтала, к чему стремилась, рухнуло в один миг, оставив неопределенность и боль... — сползаю по стене со свитером в руках и закрываю лицо, чтобы мама не видела, как меня снова разносит вдребезги.

Она подходит и молча опускается рядом. Гладит по голове, прижимая к себе и напоминая, что она всегда со мной: поддержит, поймет, пожалеет.

— Прости, — шепотом.

— Мам, я хочу новую жизнь начать там, где меня не знают. Не знают мою историю, не станут спрашивать, напоминать, методично давить на больное и злорадно наблюдать за реакцией.

— За новой жизнью нужно ехать в другое место. То, куда ты стремишься, не самое лучшее. Поверь мне.

— Для тебя — да. Все твои воспоминания связаны с разочарованием и обидами, но для себя я вижу там нечто светлое и хорошее.

Говоря это маме, всячески скрываю, с какой целью возвращаюсь в город, где все началось для нее с папой. Мои воспоминания иные: светлые, радужные, легкие. Последние несколько лет я уверена, что найду покой лишь там, с людьми, к которым тянется душа. Я задыхаюсь в этой стране, доме, с этими людьми, какими бы родными они ни были. Мне нужны стимул, надежда и путь, который будет только моим.

— Зря ты отказалась изменить фамилию. Папа ничего против не имел.

— Я Островская, — говорю, вскидывая подбородок. — Островской и останусь. Это важно для меня. К тому же папа уехал пятнадцать лет назад. Вряд ли вообще о нем кто-то помнит. Сменились люди, приоритеты, власть. Из вашей прошлой жизни остались только Ароновы.

— И Гриша.

Как только слышу это имя, сердце пропускает удар, разнося кровь бурными потоками и отдава-

ясь глухой болью в виски. Не сейчас. Я вспомню о нем ночью, оставшись наедине с темнотой и музыкой в наушниках, как делала это последние несколько лет. Но тот факт, что завтра я его увижу, отдается во мне дрожью и нетерпением, с одной стороны, и парализующим страхом — с другой.

— И Гриша...

— Папа ему позвонил. Встретит в аэропорту, отвезет к Ароновым. Переговоришь с будущим работодателем и решишь, оставаться или возвращаться. Тогда уже переберешься в городскую квартиру. Там все готово для тебя. А пока пора-дуй Вику, побудь с ней пару дней, ладно?

— Конечно, мам. Ромку хочу увидеть, он так вырос — выше меня на голову.

Показываю рукой, но даже Аня выше меня в свои тринадцать. Мне же достались скромные метр шестьдесят: хорошо для фигурного катания и плохо для жизни. Я, наверное, Грише с трудом до груди достану, если он соизволит обратить на меня внимание и подпустить на расстояние вытянутой руки.

В аэропорт меня едет провожать вся семья. Так сказал папа, которого за последние пятнадцать лет не посмел ослушаться даже Костя, не говоря уже обо всех остальных. Именно он первый поддержал мой порыв вернуться в Россию и работать там с малышней. Ему досталось больше всех, когда я в период реабилитации мало походила на человека и постоянно срывалась в истерики, сетуя на несправедливость и злой рок. Мне

казалось, что это конец и дальше лишь тьма, за которой ничего нет и уже не будет.

Тогда он и рассказал их с мамой историю, не опуская фактов и деталей, называя вещи своими именами. Тогда моя собственная трагедия перестала казаться концом света во всех его проявлениях. Папа, сам того не понимая, дал толчок, который заставил двигаться дальше, к новым целям, желаниям и приоритетам, но уже с измененным направлением.

— Тась, я попросить хочу, — шепчет отец, когда отводит меня в сторону подальше от младших детей. — Осторожно с мужчинами.

— Пап...

— Я знаю, что тебе девятнадцать. Ты имеешь право делать все, что делают люди, достигшие совершеннолетия. Я не запрещаю, лишь прошу быть осторожной. У тебя мало опыта в общении с противоположным полом, а точнее, его вообще нет. Не уходи с головой при первых же вспыхнувших чувствах, ладно? — ласково заправляет прядь за ухо и щелкает меня по носу, отчего я привычно хохочу. — Твоя мама пережила горький опыт, поэтому я хочу, чтобы в будущем рядом оказался человек, достойный тебя во всех смыслах.

Он знает, о чем говорит. Спорт забирал все мои силы, не оставляя времени на подруг, парней и обычные прелести жизни. Школа, тренировки, сборы, соревнования — так прошли тринадцать лет моей жизни. Меня не заставляли, так я сама захотела, когда впервые увидела выступле-

ние фигуристов в пять лет. Какая-то непреодолимая сила влекла меня на лед, заставляя набирать обороты и двигаться вперед.

— А если он, по твоему мнению, окажется недостойным? — лукаво улыбаюсь, интересуясь, как же папа поступит в случае, если мой выбор окажется неудовлетворительным.

— Я его убью, — целует меня в макушку, обнимая.

— Я поняла, пап. — Это не шутка. Он всегда выполняет свои обещания. — Обещаю.

Это обещание полетит к чертям, как только самолет приземлится в аэропорту и я увижу того, кто прочно засел в моих мыслях и не желает отсюда выметаться, как бы я ни старалась. Тот, кто для меня является важным, единственным и особенным.

— Таисия, — как только папа произносит мое полное имя, вытягиваюсь по струнке, приготовившись принять важную информацию, — в случае возникновения проблемы — любой, сразу звони, поняла? — Киваю, не смея перечить. — Если я недоступен, есть Аронов и Григорий. Последний за тебя головой отвечает.

Как только папа связался с Гришей, радости моей не было предела, потому что указания Парето должны соблюдаться беспрекословно, иначе он растерзает виновника. Отцу пятьдесят пять, но до сих пор большинство людей перед ним пасуют, не смея смотреть в глаза. И лишь мама всегда на равных, не прогибается, вступая в откры-

тую схватку и выдерживая каждый выпад, каким бы жестким он ни был. Иногда мне кажется, что это игра, где папа выясняет, насколько он может ее придавить, а мама напоминает, почему они столько лет вместе. Отец всегда проигрывает, но мама делает вид, что в роли проигравшей именно она.

— Пока, солнышко. — Мама чмокает в макушку, сдавливая в объятиях. — Желаю найти то, что успокоит твою душу. Хотя бы ненадолго.

Прощаюсь со своими, обнимая напоследок Аньку и щелкая по носу Костика, который так же, как и я, хохочет и показывает язык. Константин Константинович доставит родителям уйму проблем, о которых они пока не подозревают. Даже папа иногда неспособен совладать со своей уменьшенной копией, которая проверяет его на прочность с завидной регулярностью.

Регистрация, посадка, и вот крылатая птичка поднимается в небо, чтобы через четыре часа я оказалась там, куда стремится мое сердце. Предложенная работа важна, но еще больше важен тот, кого я видела последний раз пять лет назад на фото, и с тех самых пор сохранила в себе образ, представляющийся мне непоколебимым идеалом. Я сама прекратила общение с Гришей, разорвав все контакты. Перестала отвечать на звонки и сообщения, а маме сказала, что больше не желаю связывать себя детскими воспоминаниями с человеком, который старше меня ровно на двадцать лет. Но причина была в ином, и ее

я не озвучивала даже самой себе, опасаясь спугнуть крохотную надежду, которая столько лет жила в моем сердце. Каким он стал? Изменился ли? Кого увидит перед собой? Маленькую девочку Тасю в смешной шапке с пушистым помпоном или повзрослевшую девушку?

Истязая себя догадками, не замечая, как пролетают четыре часа и объявляют посадку. Забираю багаж и с замиранием сердца ищу в толпе встречающих знакомые черты. Но не нахожу. Нет никого похожего на того, кого знаю и помню. Простояв сорок минут, беру такси и еду к Ароновым. Готова рыдать, что Гриша, наплевав на просьбу отца, не явился в аэропорт. Или же причина во мне? У него своя сложившаяся жизнь, и девочка Тася является в ней лишь помехой, даже если приказ отдан Парето.

Глава 2

Дров

— **Т**ася вылетает завтра в десять. Самолет приземлится в два. Встретить, сопроводить, наблюдать.

Четкие указания от Парето в привычном стиле. За пятнадцать лет не изменился ни он сам, ни подача, с которой отдает распоряжения, в каком направлении двигаться. Перечить нельзя, за отказ можно поплатиться жизнью.

— Если она от моего наблюдения откажется? — прорабатываю вопросы, с которыми могут возникнуть трудности.

Тася больше не ребенок, а я не тот, кто был для нее непоколебимым авторитетом. Маленькая девочка смотрела мне в рот и ловила каждый вздох, но все закончилось в тот момент, когда она оборвала все контакты и отказалась со мной разговаривать. Мой номер был отправлен в блок, а доступ запрещен. После о событиях в ее жизни я узнавал от Парето, но в большей степени от Лены, которая делилась переживаниями втайне от мужа.

Уверен, Парето и об этом знал, лишь сделал вид, что не осведомлен. Своей женщине смотреть